

ИНСТИТУТ КАК ОСНОВНОЕ ПОНЯТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

И. А. Маньковский

Минский филиал Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Минск, Беларусь

В статье проведен анализ подходов к определению института как одного из центральных понятий институционализма. Установлено, что термин «институт» применяется российской экономической наукой в самых разных значениях, а также другими гуманитарными и общественными науками, что указывает на междисциплинарный характер анализируемого понятия. Кроме того, непосредственно в институционализме в силу существующих различных научных подходов к содержанию институциональной экономической теории существуют различные подходы к определению понятия «институт», что, по мнению автора, является препятствием для динамичного развития институционализма и требует корректировки. Д. Норт под институтом понимал нормы права, влияние которых на экономическое развитие он рассматривал применительно к англосаксонской системе права, что неприменимо в рамках междисциплинарного анализа российской экономики. В ходе исследования определений понятия «институт», предложенных российскими институционалистами, и их сравнения с подходом к определению института, предложенным Д. Нортом, сделан вывод, что большинство российских ученых вслед за Д. Нортом, определяя институт достаточно широко и разными формулировками, под формальными институтами понимают нормы права, формализованные в нормативных правовых актах. На основании анализа задач, возложенных на институт, понимания института в разных видах институционализма с учетом междисциплинарного характера анализируемого понятия и российской экономико-правовой действительности предложено универсальное определение института как центрального понятия институционализма, что должно способствовать развитию институциональной экономической теории, применимой к анализу российской экономики, синтезу общественных и гуманитарных наук и экономическому анализу действующих и разрабатываемых правовых норм в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: институциональная теория, англо-американское право, континентальное право, модель поведения, институциональные изменения.

INSTITUTION AS PRINCIPLE NOTION OF INSTITUTIONALISM: DEFINITION PROBLEMS

Igor A. Mankovsky

Minsk branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Minsk, Belarus

The article analyzes approaches to defining institution being a central notion of institutionalism. It is clear that the term 'institution' is used by Russian economics in different meaning and the same is true for other humanitarian and social sciences, which points to inter-disciplinary nature of the notion. Apart from this, in institutionalism itself, due to different academic approaches to institutional economic theory there are various approaches to defining the notion 'institution', which, according to the author, hinders the dynamic development of institutionalism and thus requires correction. According to D. Nort, institution means norms of law, whose influence on economic development was studied in view of the Anglo-Saxon system of law and it is unacceptable within the frames of inter-disciplinary analysis of Russian economics. By analyzing definitions of the notion 'institution' put forward by Russian institutionalism researchers and their comparing with D. Nort's approach a conclusion was drawn that the majority of Russian scientists in line with D. Nort define institution in broad and various wording and formal

institutions are interpreted as norms of law formalized in enactments. Through analyzing tasks conferred on institution comprehension of institution in different types of institutionalism with due regard to inter-disciplinary nature of the notion and Russian economic and legal reality the author proposes a unique definition of institution as a central notion of institutionalism, which can foster the development of institutional economic theory used for the analysis of Russian economy, synthesis of social and humanitarian sciences and economic analysis of effective and new legal norms in the field of economic activity.

Keywords: institutional theory, Anglo-American law, continental law, behavior model, institutional changes.

Введение

Институциональную экономическую теорию в целом и неоинституционализм в частности можно признать динамично развивающимся направлением экономической теории в Российской Федерации. Зародившись в конце XIX в. в Соединенных Штатах Америки и получив свое развитие в Западной Европе, институционализм в России начал активно развиваться с начала 90-х гг. XX в., чему в том числе способствовал выпуск переведенных на русский язык научных трудов западных институционалистов. Характерной чертой институциональной экономической теории независимо от направления ее развития является междисциплинарный подход к экономическому анализу, позволяющий в процессе исследования экономических процессов и перспектив экономического развития учитывать политический, правовой, духовно-идеологический аспекты взаимодействия субъектов в обществе и с государством. Междисциплинарный подход, применяемый институциональной экономической теорией, расширяет подходы к экономическому анализу, учитывает как эндогенные, так и экзогенные факторы, оказывающие влияние на поведение субъектов экономической деятельности (экономических агентов).

В рамках институциональных исследований учеными, выступающими в качестве основателей институционализма (всех его направлений), в понятийно-категориальный аппарат экономической науки были введены некоторые понятия, которые можно признать основными, характеризующими экономическую теорию как институциональную. В качестве одного из таких основных понятий рассматривается понятие «институт» [21. – С. 149].

Понятие «институт»

в российской экономической науке

В настоящее время в российской экономической науке понятие «институт» применяется в самых различных значениях, например, институт денег, институт предпринимательства [18. – С. 166]. Институт рассматривается и в качестве самостоятельной структуры с функцией регулирования [11. – С. 40]. Кроме того, применяются такие понятия, как институт политический, семья и брак как институт. В качестве института рассматривается система образования [25. – С. 12].

Понятие «институт» активно применяется в юриспруденции, в политологии, а также в русском языке как «элемент социальной структуры... совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения...» [1. – С. 580], что указывает на междисциплинарный характер анализируемого понятия.

Различные научные подходы к содержанию институциональной экономической теории привели к некоторому разнообразию пониманию института как основного понятия институциональной теории [25. – С. 9], в связи с чем следует признать целесообразным разработку единого образного определения института как центрального понятия институционализма и пределов его применения в рамках институциональной экономической теории, получившей развитие в Российской Федерации.

При этом следует отметить, что в разных направлениях институциональной экономической теории обосновываются собственные подходы к определению анализируемого понятия [16. – С. 55], что, по

нашему мнению, в рамках институциональной экономической теории, несмотря на развитие ее различных направлений, применительно к основополагающим понятиям, в том числе к понятию «институт», является нежелательным, выступает в качестве препятствия для эффективного развития институционализма. Применительно к существующему уровню развития институционализма в России можно отметить достаточно широкую (разнообразную) трактовку понятия «институт» [21. – С. 149], притом что отдельные ученые вполне обоснованно указывают на необходимость разработки единообразного подхода к его определению [4. – С. 16].

Так, А. Е. Шаститко понимает под институтом «ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также соответствующие механизмы контроля за соблюдением этих правил» [26. – С. 105]. Г. Б. Клейнер рассматривает институт, как «...относительно устойчивые по отношению к изменению поведения или интересов отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода времени формальные и неформальные нормы либо системы норм, регулирующие принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов (физических и юридических лиц, организаций), их групп» [7. – С. 19]. В. Л. Тамбовцев указывает, что институты – это «...правила вместе с внешними (по отношению к индивиду, который должен им следовать) механизмами принуждения их к исполнению. Правила, входящие в институт, включают описания адресатов – тех, кто должен следовать правилу, содержание правила – что именно должны делать адресаты, ситуаций – в каких случаях адресаты должны выполнять правила, санкций – что произойдет с адресатом в случае нарушения правила, гарантов – кто должен контролировать соблюдение правил и/или налагать санкции» [24. – С. 23].

На основе анализа определения понятия «институт», предложенного А. Е. Шаститко, Г. Б. Клейнером и В. Л. Тамбовцевым в разные периоды развития институционализма в России, можно сделать вывод, что в качестве формальных правил, через которые российские ученые определяют институт, выступают исключительно нормы права. При этом Г. Б. Клейнер под институтом понимает и формальные, и неформальные нормы, т. е. обычаи и привычки, что, согласно утверждению Г. И. Нестеренко и Г. Н. Сулейменова, имманентно институциональной экономической теории [17. – С. 143].

На тот факт, что под формальными институтами российской экономической наукой рассматриваются нормы права и система права в целом, указывает О. С. Сухарев [23. – С. 38], а также А. И. Лученко, который отмечает неверное и при этом широко распространенное отождествление институтов с организациями [12. – С. 10]. Как правила игры в обществе институты рассматривают Д. В. Манушкин и Р. М. Нуреев [13. – С. 56].

Понятие института Д. Норта

Д. Норт рассматривает институт как «“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [20. – С. 17]. Он классифицирует институты на формальные и неформальные, а также отграничивает такие понятия, как «институт» и «организация», указывает на то, что основная роль институтов состоит в «...установлении устойчивой... структуры взаимодействия между людьми» [20. – С. 18–21]. «Институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [19. – С. 73]. Как пример фор-

мального института Д. Норт указывает на Конституцию США. Это однозначно свидетельствует о том факте, что под формальными институтами Д. Норт понимает нормы права и, следовательно, система права в целом. «Формальные правила включают политические (и юридические), экономические правила и контракты... Политические правила... определяют иерархическую структуру общества... структуру принятия решений и наиболее важные характеристики контроля за политическими процедурами. Экономические правила устанавливают права собственности... по использованию и получению дохода от собственности и ограничению доступа других лиц к имуществу или ресурсу. Контракты содержат условия конкретного соглашения по обмену» [20. – С. 68].

Институционализм и правовая система

Нортовское «...понимание правовой структуры уместно лишь применительно к англо-американской традиции...» [10. – С. 139], в рамках которой, собственно, Д. Норт и проводил свои исследования, и полностью не соответствует структуре системы права Российской Федерации и других государств, входящих в континентальную правовую систему (семью).

В частности, российскому праву не присуще деление норм права (формальных правил) на правила юридические, политические, экономические и контракты. Все нормы права являются частью системы права России, классифицируются по отраслям права и законодательным массивам и, соответственно, являются правилами юридическими, но регулируемыми различные группы общественных отношений: политические, экономические, договорные и др. Иные регулятивные нормы, не входящие в систему права, не могут быть признаны формальными правилами по той причине, что формальная определенность является признаком непосредственно правовых норм, отличающихся этим признаком от иных социальных ре-

гуляторов, в том числе от норм морали [2. – С. 65].

Согласно утверждению Д. Норта, «...экономические правила устанавливают права собственности...» [20. – С. 68]. Однако, во-первых, в Российской Федерации отсутствуют экономические правила в смысле норм права (формальных правил), а во-вторых, российское гражданское право как совокупность правовых норм, регулирующих экономические отношения в целом и отношения собственности в частности, оперирует термином «право собственности».

Формальные правила (нормы права), регулирующие общественные отношения, возникающие между экономическими агентами по поводу присвоения, использования и отчуждения вещей (согласно Д. Нарту, экономические правила [20. – С. 68]) закреплены в разделе II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса Российской Федерации от 21 декабря 1994 г., части первой. Согласно нормам ГК, право собственности в России, во-первых, является единым, не предусматривающим деление на отдельные права собственности, что присуще англо-американской правовой системе; во-вторых, российское право собственности признается основным и первоначальным вещным правом, на основе которого по воле собственника имущества у несобственников могут возникать ограниченные вещные права, не являющиеся правом собственности; в-третьих, российское право собственности признается неограниченным (имеется в виду иными собственниками) вещным правом, на основании которого его обладателю законодательством предоставлен максимально допустимый круг правомочий в отношении принадлежащего имущества [15. – С. 58–71; 14. – С. 95–292].

Содержание права собственности составляют три правомочия: владение, пользование и распоряжение (ст. 209 ГК). Право собственности, согласно российской правовой традиции, является категорией юридической, отличающейся от экономической

категории «собственность». Право собственности – это совокупность правовых норм, а собственность – это совокупность вещей, т. е. объектов материального мира, имеющих овеществленную (объективированную), материальную форму.

В отличие от российского гражданского права в англо-американской правовой системе понятие собственности определяется через сложный пучок правомочий, а сущность отношений собственности раскрывается не через предоставление владельцу вещи правомочий владения, пользования и распоряжения ею, а через систему исключения доступа к ресурсам. В российской правовой традиции право собственности является вещным правом, т. е. применяется к общественным отношениям, возникающим в процессе присвоения, использования и отчуждения вещей и разделено с правом обязательственным, нормы которого применяются к общественным отношениям, возникающим из хозяйственных договоров (контрактов в англо-американской правовой системе).

В англо-американском праве понятие «права собственности» объединяет в себе вещное и обязательственное право, т. е. применяется к отношениям по присвоению, использованию и отчуждению не только вещей, но и прав в рамках договорных (контрактных в англо-американском праве) обязательств.

Наиболее известную классификацию прав собственности в англо-американском праве, которой оперируют и российские ученые-экономисты, разработал А. Оноре, предложивший одиннадцать правомочий собственника.

Таким образом, права собственности в англо-американском праве классифицируются на одиннадцать правомочий, предполагающих, возможность «...рассредоточения отдельных правомочий собственности между различными лицами и превращения этих правомочий в объекты оборота... чем обусловлена необходимость спецификации прав собственности... – установления, кому какие правомочия

принадлежат и какие ограничения владелец тех или иных правомочий может устанавливать на действия других лиц» [8. – С. 80].

В российском гражданском праве, в отличие от англо-американского права, правомочия собственника составляют содержание единого права собственности, но не рассматриваются как отдельные права собственности и не могут передаваться в рамках вещного права, но частично могут переходить от собственника вещи к несовладельцу на определенный или неопределенный срок в рамках права обязательственного, т. е. на основании заключенного договора (например, договора аренды). В этой связи следует отметить, что применяемый в российской экономической литературе термин «спецификация прав собственности» в значении определения того, кому принадлежат права собственности, что свойственно англо-американской правовой традиции, в российском праве не применяется, а спецификацией называют переработку материалов и изготовление из них посредством переработки новой вещи (ст. 220 ГК).

Институционализм и национальная экономика России

Очевидным является тот факт, что институциональная экономическая теория, развивающаяся в Российской Федерации и применяемая к анализу российских экономических отношений, должна с учетом имманентного институционализму междисциплинарного подхода оперировать категориями и понятиями, закрепленными в российском праве, и в первую очередь в ГК как нормативном правовом акте, регулирующем экономические отношения на территории Российской Федерации. Применение категорий и понятий англо-американского права к анализу экономических отношений, развивающихся в пределах, установленных нормами права Российской Федерации, может привести к ложным выводам. Более того, рекомендации по экономическому развитию, выра-

ботанные с применением институционального междисциплинарного подхода к анализу экономических отношений, научной основой которого послужили исследования, учитывающие специфику англо-американского права и возникающих на его основе общественных отношений, без адаптации к российской экономико-правовой действительности, по нашему мнению, будут скорее вредны, чем полезны российской экономике. Примером тому могут служить реформы, проведенные в России в 1990-е гг. на основе рекомендаций Д. Уильямсона, именуемых «Вашингтонский консенсус» [6. – С. 78], в рамках которых потенциально полезные в перспективе институциональные изменения «...дополнились и экспериментами по “пересадке” на местную почву тех западных институтов и практик, которые... усугубляли разрушение экономики» [5. – С. 199].

Вместе с тем на основании анализа рассмотренных и некоторых других определений понятия «институт», приведенных в российской экономической литературе, можно сделать вывод, что под институтом (как минимум, формальным институтом) большинство российских ученых-экономистов, работающих в области институциональной экономической теории, следуя подходу Д. Норта, понимают некоторую совокупность правовых норм, формализованных в нормативных правовых актах, регулирующих определенную совокупность общественных отношений. Однако следует констатировать, что предложенный Д. Нортом подход к определению понятия «институт» не позволяет «...отграничить право от воровских законов... не дает возможности разграничения правового и неправового» [10. – С. 136], по сути, является достаточно обобщающим, определяет институт достаточно широко. «Различные авторы делают акцент на отдельных признаках или на тех отдельных формах, в которых данные признаки доступны нашему наблюдению (существуют в действительности)» [4. – С. 17].

Институт как модель взаимодействия

Учитывая тот факт, что категория «институт» является междисциплинарной, т. е. применяется разными науками, правомерно ли под институтом как центральной категорией институциональной экономической теории, основанной на междисциплинарном подходе к экономическому анализу, понимать исключительно нормы права (в принципе, понимать нормы права)? При этом следует отметить, что «представители различных школ институционализма в большинстве своем едины в том, что... институты связаны с системой формализованных правил, лежащих в основе социально-экономического и политического развития» [3. – С. 106], что вполне обоснованно. Однако связь института с нормами права, обусловленность содержания, структуры института нормами права не указывают на тот факт, что «институт» следует рассматривать как совокупность правовых норм, если, конечно, он не рассматривается в рамках юридической науки, традиционно применяющей анализируемое понятие для определения совокупности правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений (например, юридические лица, представительство и доверенность, залог, купля-продажа, действие в чужом интересе без поручения и др.).

Для точного определения понятия «институт» в рамках междисциплинарного исследовательского подхода необходимо уяснить задачи, которые возлагаются на институт в рамках институциональной экономической теории. В частности, Д. Норт в качестве задачи институтов видит обеспечение определенности взаимоотношения людей в обществе, достигаемой «...благодаря сложившимся правилам и нормам» [19. – С. 79], т. е. благодаря системе права, что можно признать обоснованным. Однако успешная реализация указанной задачи зависит от нескольких факторов, основным из которых, по нашему мнению, следует признать отношение

конкретной нации, народа, этноса к необходимости соблюдения в первую очередь установленных правовых норм, а во вторую – неформальных правил поведения, в том числе от степени присущего конкретному обществу правового нигилизма. По сути, реализация поставленной Д. Нортон перед институтом задачи, а именно обеспечение определенности взаимоотношений людей, зависит не только от правовых норм (формальных правил), регулирующих определенный вид общественных отношений, но и непосредственно от лиц, участвующих в конкретном общественном отношении, процедура участия в котором определена соответствующим институтом.

На социальное взаимодействие между людьми как результат действия институтов обоснованно указывает В. В. Дементьев, определяя институт как социальную структуру [4. – С. 18, 28].

Понимание институтов в зависимости от вида институционализма сводится к следующему: «набор формальных и неформальных правил игры... фиксированный набор формальных процедур и процессов... совокупность формальных и неформальных взаимоотношений... система организованного взаимодействия... структура, способствующая достижению договоренностей... система, формирующая упорядоченность в представительстве интересов... форма репрезентации материальных и нематериальных интересов и потребностей...» [16. – С. 50–54].

Если обобщить все приведенные подходы к пониманию института как основного понятия институционализма, то можно сделать вывод, что институт является способом организации взаимодействия субъектов, основу которого составляет совокупность формализованных нормами права процедур, направленных на создание «...побудительных мотивов человеческого взаимодействия в политике, социальной сфере, экономике...» [22. – С. 118], и правомерного достижения целей взаимодействия.

Заключение

На основании проведенного исследования институт, рассматриваемый в качестве центрального понятия институционализма, следует определить как *разработанную уполномоченными государственными органами и легализованную правовыми нормами модель поведения субъектов (общественного отношения, возникающего между персонифицированными субъектами) в определенной сфере социального взаимодействия (политической, экономической и других сферах), предназначенную для создания условий правомерного достижения целей взаимодействия.*

Так, например, институт государственной регистрации субъектов хозяйственной деятельности (коммерческих организаций, выступающих в качестве экономических агентов) представляет собой модель поведения учредителя(ей) коммерческой организации и регистрирующего органа в процессе обращения за государственной регистрацией и проведения процедуры государственной регистрации. Институт выборов депутатов Государственной Думы представляет собой модель поведения лиц, выдвигающихся в качестве кандидатов в депутаты, уполномоченных государственных органов, начиная с Центральной избирательной комиссии и избирателей в процессе выдвижения кандидатов в депутаты Государственной Думы, организации и проведения процедуры голосования, подведения и объявления итогов голосования. Закрепленный в ГК институт «купля-продажа», представляет собой модель правомерного поведения двух участников экономического отношения в процессе перехода права собственности на предмет договора от продавца к покупателю с фактической передачей вещи (вещей), выступающей предметом договора (объектом правоотношения купли-продажи). Приведенные примеры можно продолжить.

Предложенный подход к определению института как центрального понятия институционализма, по нашему мнению, является универсальным, в наибольшей степени соответствует междисциплинарному подходу к экономическому анализу, при-

меняемому институциональной экономической теорией, может применяться как в рамках институционализма независимо от его направления, так и другими общественными и гуманитарными науками, а также способствует синтезу общественных наук, может служить основой для применения экономического анализа к существующим и разрабатываемым правовым нормам с целью определения их экономической эффективности в рамках каждой отдельной модели поведения.

Подход к определению института как формализованной правовыми нормами модели поведения субъектов (экономических агентов в рамках возникающих между ними хозяйственных (экономических) отношений, экономических агентов и уполномоченных государственных органов и т. п.) можно соотнести и с подходом, предложенным Д. Нортом, в частности с его «правилами игры», созданными человеком ограничительными рамками, которые организуют взаимоотношения между людьми [19].

Институты независимо от той сферы социального взаимодействия, для которой разработана модель поведения субъектов, возникают, изменяются и прекращают свое существование исключительно по воле уполномоченных государственных органов посредством введения в действие, изменения или отмены соответствующих нормативных правовых актов в силу обусловленности института системой права как универсальным средством управления государством и обществом. Согласно утверждению В. Е. Кондурова и А. А. Краевского, «... основание действительности института следует понимать как исток его юридической обязательности, его правового характера» [9. – С. 102].

Из вышеизложенного следует, что все институциональные изменения (возникновение, изменение содержания и прекращение институтов) происходят исключительно по воле человека. При этом обусловленная существующими институтами

национальная экономика может развиваться в современных условиях государственного управления исключительно в пределах, установленных нормами права, и в ходе своего развития оказывает влияние на институциональные изменения посредством выявления неэффективных для развития экономики отдельных правовых норм и неэффективных применительно к существующим потребностям экономического развития отдельных институтов.

Вместе с тем эффективность экономического развития в целом и экономическая эффективность отдельного института, способствующего получению ренты отдельной группой лиц, могут не совпадать. Это обстоятельство может служить побудительным мотивом для такой группы, обладающей властными полномочиями, для сохранения института, неэффективного для национальной экономики, но приносящего дополнительную ренту указанной группе. Процесс институциональных изменений, отмена неэффективных для национальной экономики институтов, разработка и введение в действие эффективных в первую очередь зависят от направленности на эффективное развитие национальной экономики политической и экономической элиты общества, т. е. от лиц, наделенных обществом властными полномочиями по принятию стратегических решений, по разработке эффективной для государства и общества политики социально-экономического развития. Следовательно, одним из условий разработки, введения в действие, изменения и отмены институтов, соблюдение которого является обязательным при разработке и реализации политики социально-экономического развития, следует признать необходимость реализации принципа верховенства права, в первую очередь для политической и экономической элит российского общества, зачастую не желающих выполнять требования правовых норм, установленных ими для других членов общества.

Список литературы

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2007.
2. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. К вопросу о понятии и признаках нормы права // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 84-5. – С. 64–66.
3. Валиев Р. Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73. – № 4 (161). – С. 103–116.
4. Дементьев В. В. Что мы исследуем, когда исследуем институты // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 13–30.
5. Кашенов А. В. 30 лет без СССР. Часть 2. Кризис 1990-х годов и его последствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 11-2. – С. 198–205.
6. Кашенов А. В. Реформы, экономический кризис 1990-х годов и его последствия // Modern Science. – 2021. – № 11-1. – С. 78–86.
7. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. – М. : Наука, 2004.
8. Комарова И. П., Устюжанина Е. В., Ходжа К. Размывание прав как этап развития института собственности // Journal of Institutional Studies. – 2023. – № 1. – С. 78–88.
9. Кондуров В. Е., Краевский А. А. Правовые институты и нормы: проблемы действительности и действенности права в юридическом институционализме // Труды Института государства и права Академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 95–144.
10. Кравцов Н. А. Концепция институтов и институциональных изменений Дугласа Норта: глазами теоретика права // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 136–141.
11. Красюк И. А., Кириллова Т. В. Формирование институциональной среды инновационного развития торговли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 39–44.
12. Лученок А. И. Институциональные инструменты реформирования экономики // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2017. – № 6. – С. 10–16.
13. Манушкин Д. В., Нуреев Р. М. Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним // Журнал институциональных исследований. – 2022. – Т. 14. – № 1. – С. 55–69.
14. Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Вещное право Беларуси и России: анализ современного состояния // Проблемы вещного права в союзном государстве Беларуси и России : монография / под ред. В. П. Павлова. – М. : Русайнс, 2019. – С. 95–292.
15. Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Гражданское право. Общая часть : монография : в 3 т. – Т. 3. Личные и вещные права. – 2-е изд., стереотипное. – Минск : Межд. ун-т «МИТСО», 2016.
16. Махмудов А. С. Категория «институт» в системе нового институционализма в политологии // Этносоциум и межнациональная культура. – 2021. – № 9 (159). – С. 49–56.
17. Нестеренко Г. И., Сулейменов Г. Н. История развития институционализма как направления экономической мысли // Вестник ЗКУ. – 2022. – № 2 (86). – С. 142–148.
18. Новиков В. С. Исследование норм институциональной среды виртуальной экономики // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 33 (1). – С. 164–171.
19. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение / пер. Е. И. Николаенко // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 69–91.

20. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнер. – М. : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

21. Полякова А. Г., Нестеренко Ю. Н., Свердликова Е. А. Модель устойчивости институционального реформирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 1–2. – С. 147–153.

22. Попов Е. В., Сухарев О. С. Институциональные факторы экономических изменений теории Дугласа Норта // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 117–133.

23. Сухарев О. С. Институциональные коррекции в управлении: теоретико-методологический подход // Управленец. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 37–48.

24. Тамбовцев В. Л. Что могут делать институты? Метафоры организационного институционализма // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 2 (15). – С. 22–38.

25. Цветкова Г. С. К вопросу о сущности и функциях институтов рынка // Инновационные технологии управления и права. – 2013. – № 3 (7). – С. 9–13.

26. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Экономический факультет МГУ : ТЕИС, 2002.

References

1. Bolshoy Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar [Big Russian Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2007. (In Russ.).

2. Byalt V. S., Chimarov S. Yu. K voprosu o ponyatii i priznakakh normy prava [To the Question of the Concept and Signs of the Rule of Law]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2022, No. 84-5, pp. 64–66. (In Russ.).

3. Valiev R. G. Pravovaya institutsionalizatsiya i instituty prava: kontseptualnaya model [Legal Institutionalization and Institutions of Law: a Conceptual Model]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2020, Vol. 73, No. 4 (161), pp. 103–116. (In Russ.).

4. Dementev V. V. Chto my issleduem, kogda issleduem instituty [What do we study when we study institutions]. *TERRA ECONOMICUS (Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta)* [TERRA ECONOMICUS (Economic Bulletin of the Rostov State University)], 2009, Vol. 7, No. 1, pp. 13–30. (In Russ.).

5. Kashepov A. V. 30 let bez SSSR. Chast 2. Krizis 1990-kh godov i ego posledstviya [30 Years without the USSR. Part 2. The Crisis of the 1990s and its Consequences]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2021, No. 11-2, pp. 198–205. (In Russ.).

6. Kashepov A. V. Reformy, ekonomicheskiy krizis 1990-kh godov i ego posledstviya [Reforms, the Economic Crisis of the 1990s and its Consequences]. *Modern Science*, 2021, No. 11-1, pp. 78–86. (In Russ.).

7. Kleyner G. B. Evolyutsiya institutsionalnykh sistem [The Evolution of Institutional Systems]. Moscow, Nauka, 2004. (In Russ.).

8. Komarova I. P., Ustyuzhanina E. V., Khodzha K. Razmyvanie prav kak etap razvitiya instituta sobstvennosti [Erosion of Rights as a Stage in the Development of the Institution of Property]. *Journal of Institutional Studies*, 2023, No. 1, pp. 78–88. (In Russ.).

9. Kondurov V. E., Kraevskiy A. A. Pravovye instituty i normy: problemy deystvitelnosti i deystvennosti prava v yuridicheskom institutsionalizme [Legal Institutions and Norms: Problems of the Reality and Efficiency of Law in Legal Institutionalism]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences], 2019, Vol. 14, No. 6, pp. 95–144. (In Russ.).

10. Kravtsov N. A. Kontseptsiya institutov i institutsionalnykh izmeneniy Duglasy Norty: glazami teoretika prava [The Concept of Institutions and Institutional Changes by Douglas North: through the Eyes of a Legal Theorist]. *TERRA ECONOMICUS (Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta)* [TERRA ECONOMICUS (Economic Bulletin of the Rostov State University)], 2009, Vol. 7, No. 1, pp. 136–141. (In Russ.).

11. Krasnyuk I. A., Kirillova T. V. Formirovanie institutsionalnoy sredy innovatsionnogo razvitiya torgovli [Formation of the Institutional Environment for the Innovative Development of Trade]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2019, No. 2, pp. 39–44. (In Russ.).

12. Luchenok A. I. Institutsionalnye instrumenty reformirovaniya ekonomiki [Institutional Tools for Reforming the Economy]. *Razvitie ekonomiki, politiki, sotsiuma: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Development of the Economy, Politics, Society: State, Problems, Prospects], 2017, No. 6, pp. 10–16. (In Russ.).

13. Manushkin D. V., Nureev R. M. Sabotazh rossiyskikh chinovnikov i osnovnye mery po borbe s nim [Sabotage by Russian Officials and the Main Measures to Combat it]. *Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2022, Vol. 14, No. 1, pp. 55–69. (In Russ.).

14. Mankovskiy I. A., Vabishchevich S. S. Veshchnoe pravo Belarusi i Rossii: analiz sovremennogo sostoyaniya [Property Law of Belarus and Russia: Analysis of the Current State]. *Problemy veshchnogo prava v soyuznom gosudarstve Belarusi i Rossii: monografiya* [Problems of Property Law in the Union State of Belarus and Russia: monograph], edited by V. P. Pavlov. Moscow, Rusayns, 2019, pp. 95–292. (In Russ.).

15. Mankovskiy I. A., Vabishchevich S. S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast: monografiya [Civil Law. General part: monograph], in 3 vol. Vol. 3. Lichnye i veshchnye prava [Personal and Property Rights]. 2nd ed., stereotypical. Minsk, Mezhd. un-t «MITSO», 2016. (In Russ.).

16. Makhmudov A. S. Kategoriya «institut» v sisteme novogo institutsionalizma v politologii [Category "Institution" in the System of New Institutionalism in Political Science]. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura* [Ethnosocium and Interethnic Culture], 2021, No. 9 (159), pp. 49–56. (In Russ.).

17. Nesterenko G. I., Suleymenov G. N. Istoriya razvitiya institutsionalizma kak napravleniya ekonomicheskoy mysli [The History of the Development of Institutionalism as a Direction of Economic thought]. *Vestnik ZKU*, 2022, No. 2 (86), pp. 142–148. (In Russ.).

18. Novikov V. S. Issledovanie norm institutsionalnoy sredy virtualnoy ekonomiki [Study of the Norms of the Institutional Environment of the Virtual Economy]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Humanitarian Research], 2021, No. 33 (1), pp. 164–171. (In Russ.).

19. Nort D. Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoe vvedenie [Institutions and Economic Growth: A Historical Introduction], translated by E. I. Nikolaenko. *THESIS*, 1993, Issue 2, pp. 69–91. (In Russ.).

20. Nort D. Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and the Functioning of the Economy], translated from English by A. N. Nesterenko; preface and scientific ed. by B. Z. Milner. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «NACHALA», 1997. (In Russ.).

21. Polyakova A. G., Nesterenko Yu. N., Sverdlikova E. A. Model ustoychivosti institutsionalnogo reformirovaniya [Model of Sustainability of Institutional Reform]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, No. 1–2, pp. 147–153. (In Russ.).

22. Popov E. V., Sukharev O. S. *Institutsionalnye faktory ekonomicheskikh izmeneniy teorii Duglasy Norty* [Institutional Factors of Economic Change in the Theory of Douglas North]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2016, No. 3, pp. 117–133. (In Russ.).

23. Sukharev O. S. *Institutsionalnye korrektsii v upravlenii: teoretiko-metodologicheskiy podkhod* [Institutional Corrections in Management: Theoretical and Methodological Approach]. *Upravlenets*, 2022, Vol. 13, No. 1, pp. 37–48. (In Russ.).

24. Tambovtsev V. L. *Chto mogut delat instituty? Metaforoy organizatsionnogo institutsionalizma* [What can institutions do? Metaphors of organizational institutionalism]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics], 2022, No. 2 (15), pp. 22–38. (In Russ.).

25. Tsvetkova G. S. *K voprosu o sushchnosti i funktsiyakh institutov rynka* [To the Question of the Essence and Functions of Market Institutions]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya i prava* [Innovative Technologies of Management and Law], 2013, No. 3 (7), pp. 9–13. (In Russ.).

26. Shastitko A. E. *Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya* [New Institutional Economics], 3th ed., revised and expanded. Moscow, Ekonomicheskii fakultet MGU : TEIS, 2002. (In Russ.).

Сведения об авторе

Игорь Александрович Маньковский
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора Минского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: Минский филиал ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 220070,
Республика Беларусь, Минск,
ул. Радиальная, д. 40-7.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru
ORCID: 0000-0003-3953-9575

Information about the author

Igor A. Mankovsky
PhD, Assistant Professor,
Deputy Director of the Minsk branch
of the PRUE.
Address: Minsk branch
of the Plekhanov Russian University
of Economics, 40-7 Radial Str.,
Minsk, 220070,
Republic Belarus.
E-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru
ORCID: 0000-0003-3953-9575